

УКРАЇНСКІЯ
МЕЛОДІИ.

Ник. Маркевича.

КНИГА II.

RECEIVED

W. H. O. B. M.

LIBRARY

OF THE

У К Р А И Н А.



Какъ воздухъ свободенъ въ отчизнѣ моей!
Не видно предѣла обширныхъ степей;
На пажитяхъ тучныхъ стада, шабуны
Тамъ поношъ въ справѣ съ появленьемъ весны;
Въ небѣ жаворонки вьются,
Въ полѣ пѣсни раздаются,
Всѣ сады цвѣтущъ,
Сладострасшно дышущъ розы,
Сочный персикъ, абрикозы
Ароматы льющъ.

Какъ дѣвы прелестны въ Украинѣ святой!
Какъ мраморъ, какъ лебедь онѣ бѣлизной,
Томишеленъ пламень шуманныхъ очей,
Какъ ворона крылья власы до плечей;
Груди, чувства, жизни полны,
Подымаются какъ волны
Въ полуночный часъ;
Пѣсни — пылки, звучны, живы,
Пляски — какъ любви порывы,
Увлекающъ насъ.

Въ Украйнѣ святой Войнаровскій рождень ,
Украйной Палій , Наливайко вскормлень ,
Сулою коня Сагайдачный поилъ ,
Надъ нею Хмельницкій , Полубошокъ жилъ .

Тамъ Гешьманы съ козаками

Издѣвались надъ врагами ,

Грабили Шамбуль .

Кто козаковъ не боялся ? . . .

Не уже-ли намъ остался

Только славы гуль ! —



ГЕТЬМАНСТВО.



Булава, бунчуки
Не воскреснуть для нас!
Лишь поють старики,
Какъ Хмельницкій погасъ :

Ужь не будетъ, не будетъ въ Украинѣ Гетьмана!
По лѣсамъ бунчуковъ, на конѣ, съ булавой,
Не скакашъ ужъ ему предъ козачей толпой :
Схоронили Украину мы въ гробъ Богдана !

Усачи козаки
Изъ дубовыхъ гробовъ
Не сберутся въ полки,
Не пойдутъ на враговъ.

Вы сокрылись, сокрылись, блаженные годы !
Хоть пасется шабунъ на зеленыхъ лугахъ,
Запорожцы не скачутъ въ обширныхъ степяхъ,
И лишь память осталась бывалою свободы !

Бандуристы поють
О святой старинѣ ;
Но Поляковъ не бьютъ
Козаки въ Чигринѣ ,

И какъ первая капля съ небесъ дождевая,
 При началѣ дождя, заскользишь по листьямъ,
 Изъ очей старика по звѣнящимъ струнамъ,
 Задрожавши, слеза покапится сверкая.

Хороводы дѣвицъ
 Соберутся къ пѣвцамъ,
 Ошъ плѣнительныхъ лицъ
 По груди, по плечамъ,
 Темнорусые кудри волнуются, вьются;
 Но тоска, какъ шуманъ, въ ихъ очахъ голубыхъ,
 За Украинну сердце шрепещеть у нихъ,
 Собираются слѣзы и градомъ полюются.



УКРАИНСКІЯ НОЧИ.



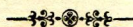
Есть тайный часъ : послѣдній ропотъ дня
Чуть борешься съ молчаньемъ первымъ ночи ;
Тогда закашъ блисаніемъ огня
Еще на мигъ плѣняешь наши очи,
Но на землѣ уже давно
Все подъ шуманомъ, все темно.

Кто смертнымъ далъ блистательный сей храмъ ?
На западъ изъ пламени ограда,
Маякъ горишь межъ шучь высоко, шамъ . . .
Тма лампъ вокругъ, гигантски колонада
Огромныхъ вѣковыхъ дубовъ
Подперла куполь всѣхъ міровъ.

Какъ я люблю плѣнительный нашъ Югъ !
Какъ я люблю весну въ моей Украинѣ !
Тамъ лѣсъ темнѣй, шамъ зеленѣлугъ,
Тамъ ярче день, прохладнѣй ночь,—но вшайнѣ
Я не могу не улешашъ
Туда, гдѣ дышешь благодашь !



УКРАИНСКІЯ ДѢВЫ.



Тамъ, гдѣ Ворскла прошекаеть,
Удай блещешь въ камышахъ,
И гдѣ Днѣпръ Десну лобзаешь,
Какъ любовницу, въ горахъ
Звонкой волной.

Тамъ, гдѣ небо голубое
Свѣшишь сладостнымъ лучёмъ,
Тамъ, гдѣ солнце золотое
Ходишь въ небѣ голубомъ
Въ блескѣ, въ огнѣ.

Тамъ, гдѣ горными шропами
Изъ села бѣгушь сшада,
Темны рощи надъ рѣками,
И въ рѣкахъ свѣшла вода —
Жемчугъ, кристалль.

Тамъ, гдѣ воздухъ дышешь Югомъ,
Гордо вспаль кашшанъ и букъ,
Гдѣ пчела жужжишь надъ лугомъ,
И свирѣлей слышанъ звукъ,—
Дѣвы шамъ есть !

И прелестны эши дѣвы,
 И прекраснѣй всѣхъ цвѣтовъ,
 Яркій голосъ ихъ — напѣвы
 Соловья во мглѣ лѣсовъ;
 Все-бъ имъ внималь.

И, какъ небо лѣтней ночи,
 Гдѣ въ звѣздахъ міры горять,—
 Темноглубые очи
 Тянушъ насъ, влекушъ, маняшъ;
 Къ нимъ-бы лешѣль.

И какъ шовъ кашшанъ вѣшвями
 Не закроешь всей луны,
 Кудри черными волнами
 Не скрываюшъ бѣлизны
 Дѣвы спешной.



СТЕПЬ.



Степь широкой, степь обширный!
Съ первымъ голосомъ весны
По тебѣ Украйны мирной
Гордо скачущъ табуны;
Надъ тобой плывешь высоко
Солнце знойною пропой;
И склоняясь шамъ, далёко
Небо обнялось съ тобой.

Нѣтъ ли слѣду человѣка?
Нѣтъ его! шумъ все молчишь,
Тумъ ошнытъ и довѣка
Только вѣшеръ лишь шумишь.
Нѣтъ ли гдѣ пусынной ивы?
Нѣтъ ее! одинъ ковыль,
И вихряные порывы
Вьютъ надъ нимъ сполпами пыль.

Лишь пестрѣть въ полѣ чистомъ
Степовыхъ звѣрковъ семья,
Лишь ползеть въ правѣ со свистомъ
Грудью скользкою змѣя.

Но нигдѣ другой преграды
 Нѣтъ ни мыслямъ, ни очамъ;
 Не упрутся далью взгляды,
 Здѣсь исчезло слово: *тамъ*.

Тамъ.... Гдѣ *тамъ*? Все безконечность,
 Все пространство безъ береговъ.
 Спешь Украины — это вѣчность,
 Чѣмъ чувство, мысль безъ словъ.
 Необъятно благородна
 Такъ Украинская кровь;
 Такъ безбрежна и свободна
 Сердца чистаго любовь!



ВЕСНЯНКА.



Какъ придетъ молодая весна,
Разцвѣщаетъ Украина вновь ;
И волшебныя силы полна,
Намъ вливается въ душу любовь.
Луговая права благовоніемъ дышетъ,
Дуновеніемъ вѣшеръ кашшаны колышетъ,
И говоръ ручья любовью журчитъ,
Зовешъ насъ рѣка, и лугъ насъ манишь.

И въ серебряномъ блескѣ вѣнца
Подымается мѣсяць молодой.
Безъ границъ, безъ числа, безъ конца,
Хороводомъ звѣзда за звѣздой
На небесные своды толпами выходяшь,
Перелѣтныя, съ мѣсяца взоровъ не сводяшь ;
Богатый гаремъ ночнаго царя,
Толпятся вокругъ любовью горя.

И на берегъ сверкающихъ водъ,
Подъ мерцаніемъ звѣздъ и луны,
Изъ деревни другой хороводъ
Выбѣгаешь на встрѣчу весны.

Жениховъ окруженны пылкой полпою,
Начинають плясать надъ жемчужной волною;
Ихъ шопощь, ихъ пѣснь уносишь волна,
Въ ихъ черныхъ очахъ сверкаетъ луна.

Ахъ, дѣвицы, не пойте весны!
Нѣтъ, красавицы, Май не для васъ;
Не для васъ и журчанье волны,
И прохладный, шоржешвенный часъ
Животворнаго вечера, ясныя ночи!
Не пылайте же страстию, черныя очи:
Гетьманщины нѣтъ, Хмельницкаго нѣтъ,—
А съ ними и счастья давнихъ пѣхъ лѣтъ!



ЧИГИРИНЪ.



Гдѣ древній нашъ городъ стоишь Чигиринъ,
У скалъ почернѣлыхъ и зланныхъ долинъ, —
Возспали надъ Тясминемъ горы крушыя,
Съ журчаньемъ кающася сшру голубыя,
И смошряся храмы въ прозрачныхъ волнахъ,
И вѣшеръ бушуешь въ безбрежныхъ пескахъ:
Тамъ нѣкогда важный былъ замокъ Гешмановъ,
За замкомъ кладбище рядами кургановъ,
А далѣ лѣса, простираясь грядою,
Казалось сближали луга съ синевою.

Тамъ были козачьи въ лѣсахъ курени,
Въ разсказахъ о биввахъ капились ихъ дни,
Сверкали ихъ конья, ихъ сабли звучали,
Косшры по ночамъ у шапровъ ихъ пылали.
Тамъ конь никогда не стоялъ безъ сѣдла,
Копышомъ рылъ землю и грызъ удила.
Коль скоро Хмельницкій махнешъ булавою, —
Полковники выбѣгутъ шумной полною;
Украина! свобода! онъ крикнешъ полкамъ, —
И все понесешь, и горе врагамъ!

А нынѣ кому мы гошовимъ коней ?
 Къ чему намъ козачки вскормили дѣшей ?
 Не намъ шабуны опшаслися по волѣ :
 Ужь съ сыномъ козакъ не наѣзники въ полѣ !
 Чась ошъ часу гаснешъ въ Украинѣ любовь, —
 И спала какъ лёдъ Запорожская кровь.
 Народъ безъ отчизны — какъ городъ забышый :
 Гдѣ дома въ развалинахъ, окны разбишы,
 Тамъ пшицы лешаюшъ, шамъ сшавни сшучашъ,
 На пушника призраки въ окны грозяшъ.

ДНѢПРЪ.



Ушромъ , заревомъ восшока
Лишь сквозь темные лѣса
Засіяли небеса,—
Онь Украины далѣко
Народился великанъ;
И сквозь ушренный шуманъ
Такъ , какъ юноша дѣвицъ,
Улыбнулся онъ денницъ.
И къ нему изъ далека
Дѣвы роемъ прилѣзли,
И въ вѣнки изъ шросника
Люльку дѣтскую одѣли,
Окрестили и попомъ
Назвали дитя—Днѣпромъ.

Исполинъ новорожденный
Всталъ и вдругъ пустился въ пушь ,
Чшобы на море взглянуть.
И съ улыбкой благосклонной
Все дало ему привѣтъ :
Солнце, разливая свѣтъ,
Въ небѣ радостно сіяло,
У младенца прохлаждало

На груди свои лучи ;
 Снепи, рощи, доли, горы
 Любовались ; а въ ночи—
 Звѣзды дѣвственныя взоры,
 Такъ какъ будшо не хоша,
 Наводили на дѣша.

Пол-дороги не достигнувъ,
 Днѣпръ ужъ юношею спалъ;
 Къ морю шибче онъ бѣжалъ.
 Дивную главу воздвигнувъ,
 Чшо встрѣчалъ онъ, за собой
 Мощной увлекалъ рукой
 И какъ пухъ носилъ онъ спруги;
 Но соскучивъ безъ подруги,
 Онъ какъ будшо пріунылъ :
 Грустно , медленной стопою
 По степямъ онъ проходилъ;
 Все невѣсты ждалъ съ тоскою,
 Чтобъ на жизненномъ пуши
 Веселѣй было иди.

Вошь подъ Кіевскія горы
 Онъ подходилъ: вдругъ Десна
 Жизни, прелести полна!...
 Стѣны Тройцы и соборы,
 Монашырскій тѣмный садъ ,
 И Черниговъ древній градъ

Обглядѣвъ, и встѣхъ плѣняя,
 Въ Кіевъ шла Десна молодая :
 Дашь поклонъ гробамъ Святымъ.
 Повстрѣчавшись съ Десною,
 Днѣпръ обнялъ ее; на нихъ
 Монастырь склоняся главою,
 Съ сонмомъ свѣтоносныхъ силъ
 Ихъ союзъ благословилъ.

Оба плавно протекали,
 Крѣпко свыклись и давно
 Вся ихъ жизнь слилась въ одно;
 И ужъ оба возмужали.
 Вдругъ ужасныхъ передъ взглядъ
 Имъ явился бѣдсвѣтъ рядъ.
 Чшо же Днѣпръ? Онъ съ воемъ, съ ревомъ
 Подошелъ; встревоженъ гнѣвомъ,
 Поднялъ злобно тяжкій спонъ,
 Всколебался, встрепенулся,
 Хватъ Десну на плечи онъ,
 Черезъ преграды какъ рванулся,—
 Разомъ всѣ перешагнулъ :
 За сто верстъ раздался гулъ.

Годы старости припѣли.
 Жизни путь, съ своей Десной,
 Онъ свершалъ ужъ оспальной,
 И ужъ оба посѣдѣли;

Скучно длились ихъ дни;
 Обезсилены, они
 Ошъ усталости и горя
 Подошли ко брегу моря.
 Видяшъ бездну : ей ни лѣшь,
 Ни конца ей, ни начала,
 Ни границы въ міръ нѣшь;
 Тайна вѣчная лежала
 Въ глубинѣ ея пучинъ; —
 Въ ней исчезнуль исполнь !



У Д А Й.



Удай въ звонкихъ камышахъ,
Удай въ глинистыхъ берегахъ,
Подъ Прилуцкими горами!
Я люблю себя, я швой!
Въ шемномъ садѣ надъ шобой,
За сыпучими песками,
Ошъ младенческихъ я лѣшъ,
Зрѣлъ волшебный солнца свѣшъ.

Кшо-шо сладко мнѣ шепнулъ,
Какъ на небо я взглянулъ,
И взглянулъ еще впервые.
Гнѣзды пшичекъ надъ окномъ,
Сквозь лисшы блесня кресшомъ,
Главы церкви золошыя,
Мгла ночей, сѣянье дня, —
Все манило жишъ меня.

Тамъ случайно какъ - шо я
Вдругъ слышала соловья;
Въ садѣ онъ съ каждою весною
Прилешалъ на лѣшо къ намъ.

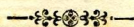
Я игралъ, купаюсь шамъ,
 Голубой швоей волною;
 И пугалъ меня шѣхъ мѣсшъ
 На гробахъ скрипучій кресшъ.

Семьяниномъ добрымъ бышъ,
 Нашу родину любишъ
 Мамъ меня шамъ научила,
 Тамъ, какъ звѣзды въ вышинѣ,
 Улыбнулись сесшры мнѣ,
 И старушка шамъ водила
 На прощопшанныхъ лугахъ
 Насъ дѣшей на помочахъ.

.

Удай, Удай мой родной!
 Я люблю себя, я швой!

С У Л А.



Солнце съ неба опускалось;
Лишь мерцанье за Сулою
Чуть примѣнно оспавалось
На обишели свяшой.
Тамъ ко всенощной звонили,
Все зашихло по полямъ,
Звуки грустно доходили
Колокола по волнамъ.

Надъ Сулою лёжа, взоры
Я навелъ на пышный лугъ;
Спавъ надъ нимъ громадой горы,
Ошемнили все вѣкругъ,
Надъ рѣкой главу склонили,
И нахмурился надъ ней,
Будто дѣву спорожили
Длинной цѣпью спорожей.

Тихо все, не шелохнется
Ни права, ни въ лѣсъ лищь;
По дорогѣ-ль пронесешся
Колокольчикъ ? Слышанъ свистъ

Ямщика, но за курганомъ
 Скоро зашпихаетъ онъ,
 И молчаніе съ шуманомъ
 На меня наводяшъ сонъ.

Я дремошой забывался;
 Только въшерь съ вышины
 Прилешѣлъ, разколыхался,
 Пробѣжалъ поверхъ волны, —
 И выходилъ вдругъ ошшуда,
 Распусшивъ свои власы,
 Не земная дѣва, чудо,
 Ослѣпительной красы :

Грудь—какъ море подъ шуманомъ,
 Къ лебединой бѣлизнѣ
 Блескъ денницы, шополь—спаномъ.
 Вышла, подошла ко мнѣ,
 Обняла меня, лобзаетъ!
 Я очнулся ошъ тоски,
 Я взглянулъ,—ко мнѣ кидаетъ
 Въшерь пѣну изъ рѣки.



ТЕОДОРЪ БОГДАНЪ.



Вы помните-ль прадѣдовъ вашихъ свободныхъ ?
Вы помните-ль попошъ коней благородныхъ ,
И грохошъ ихъ збруи, и ружей ихъ гуль,
Когда поскакали они подъ Спамбуль ?

Не въ памяши-ль вашей величіе смѣлыхъ,
Какъ въ сѣтны шопицы, въ бояхъ оробѣлыхъ,
Бѣжали предъ ними полны Музульманъ ?
Не въ памяши-ль правнуковъ Теодоръ Богданъ ?

Козаки ! по слуху шѣ дни вамъ знакомы,
Когда запылали враждебные дома,
Отъ весель козачьихъ отѣнился Поншъ,
И мещью Богдана вспылалъ Трапезоншъ !

И чшо-же ! Навѣки-ль шѣ дни миновались ?
Уже-ли объ нихъ намъ мечшы лишь оспались ?
Уже-ль средь обширныхъ Украины спранъ
Не можешъ воскреснушь Теодоръ Богданъ ?



МѢДНЫЙ БЫКЪ.



Въ Варшавѣ на площади много народу.
Какъ мушныя волны ревущъ въ непогоду,
Какъ вѣшви, опъ вѣтру ломаясь, скрыпаясь,
Коль лѣсъ закачаетъ зеленой главою:
Такъ, бурно сползавшись, Поляки шумящъ
И спрашно внимащъ безобразному вою.
Уланскія шапки, на пикахъ значки
Межъ куншусей строящся грозно въ полки.

Зачѣмъ-же Варшава теперь взволновалась?
Война-ли съ Украйной опящъ опоздалась?
На новую-ль бишву, на сеймъ, иль на пиръ
Поляки сбѣгаются буйной шолпою?
Не къ бишвѣ, не къ сейму! Смотрише: кумиръ
Огромнымъ быкомъ надъ народной главою,
Чтобъ каждому видѣнь со всѣхъ былъ споронъ,
Высоко, высоко спойшъ взгромождѣнь.

И вошъ изъ лѣсовъ Радзивила, Санеги
Со скрыпомъ кашаясь съ дровами шелѣги;
Подъ бременемъ грузнымъ дровяныхъ шѣхъ горь
Колесы визжали, вращаясь съ трескомъ.

Подъ мѣдныя ребра сложили костѣрь,
 И пламень раздули съ торжесшвеннымъ плескомъ.
 Сперва между скважинъ огонь пробивалъ,
 И только дымился, потомъ запылалъ.

И долго, покамѣсть огонь разгорѣлся,
 Огнь чорнаго дыму мешалъ лишь копѣлся;
 Когда-жъ сталъ краснѣть онъ, чудовищный ревъ
 Пронзительный вышелъ, какъ будто изъ ада,
 Чрезъ скважину пашни; казалось, свой зѣвъ
 Раскрывъ, заревѣла огнь боли громада.
 Ребячески буйно народъ хохоталъ
 И шапками каждый огонь раздувалъ.

И долго чудовище, долго горѣло,
 Ошверзною пашью сползало, ревѣло;
 Мальчишки съ весельемъ скакали кругомъ,
 Ошцы приводили дѣшей на пошѣху,
 И Польки младыя стихію плашкомъ
 Дразнили, съ служанокъ срывая для смѣху
 Кидали во пламень одежду и шолкъ:
 Но ревъ сталъ слабѣе, слабѣе, и смолкъ.

Чугунною цѣпью оббивши, въ то время
 Быка сволокли и съ усиліемъ бремя
 Тащили; онъ ребрами землю пожогъ,
 И каждый, огнь жару шѣснясь межъ народу,

Кидался отшуда подалъ какъ могъ;
 Но взлили на ребра холодную воду,
 Поднялся шарами удушливый паръ,
 И мѣдъ зашипѣла и спухнулъ пожаръ.

Пока разкаленный мешалъ охладился,
 Народъ въ нешерпѣни рошаль и толпился;
 Быка разшворили, и что-жъ тамъ нашлось?
 Чьи смрадные кости безъ жилъ и безъ шѣла?
 Чей черепъ засохшій безъ глазъ, безъ волосъ?
 Чья кровь на коссяхъ запеклась, почернѣла? —
 Погибшій за вѣру и честь нашихъ спранъ,
 То былъ Наливайко, козачій Гешманъ!

УКРАЇНСКІЯ

МЕЛОДИИ.

Ник. Маркевича.

КНИГА ІІІ.

RECEIVED

M. J. O. J. M.

THE M. J. O. J. M.

RECEIVED

ДОБРОЙ ДОМОВОЙ.



Ночью, какъ въ избѣ все спало,
Доброй домовой
Съ козака снялъ покрывало,
Грудь закрылъ рукой; —
По ушру полна вся хаша,
Башраки пришли,
И за соль, за рыбу злаша
Много принесли.

Ночью, какъ въ избѣ все спало,
Доброй домовой
Тянешь съ дѣда покрывало,
Грудь закрылъ рукой; —
Ушро. Спарика шолкають;
Вошь проснулся онъ.
И о чёмъ же извѣщаютъ?
Внукъ ему рождёнъ.

Ночью, какъ въ избѣ все спало,
Доброй домовой
Тихо сдернулъ покрывало
Съ дѣвы молодой;

Онъ космашою рукою
 Грудь у ней закрылъ,
 И кивая бородою,
 Взора не сводилъ.

Словно волны волновались,
 Подъ его рукой
 Бѣлы груди подымались...
 Доброй домовой!
 Онъ исчезъ. Сшучашъ у хаты,
 Сонную зовущъ;
 Кто? Зачѣмъ? — Красавца сваши
 Жениха ведушъ.

Какъ я былъ дишя, все спало,
 Добрый домовой
 Снялъ съ дишяши покрывало,
 Грудь закрылъ рукою;—
 Раннимъ рано, чуть зарёю
 Спаль воспокъ алѣшъ,
 Я бандуру взялъ и строю,
 Спаль играшъ и пѣшъ.

ПЕРЕЛЕТНАЯ ЗВѢЗДА.



Какъ съ воспока на закашъ
Звѣзды свѣшлыя лешашъ,
Разшолкуешь-ли народу,
Почему, иной порой,
Мчишся звѣздочка по своду
И исчезнешь подъ луной?—

«Разшолкую : въ поздній часъ
Въ небѣ звѣздъ, какъ дѣвъ у насъ.
Исчезаешь ли случайно
Перелетная луна,—
Знашь то дѣвушку Украина
Пошереяла навсегда.

Дѣва обошла налой,
Завтра встала предъ зарей
Ужь не дѣва,—пригожайка! —
Не для вольныхъ козаковъ,
Но замужняя хозяйка
Огорода и коровъ.



ВЕСНА.



Свѣжимъ ушромъ, на полянкѣ,
Повстрѣчалъ я : шла весна.
Долго я внималъ овсянкѣ,
Такъ прощѣла мнѣ она :
Ужъ ручьи бѣгушъ ошъ снѣгу,
Тошишъ рѣки шеплою Май :
Изгошовъ , козакъ, шельгу,
Сани завези въ сарай.

Въ озерѣ гуляя щука,
Ужъ хвостомъ пробила лёдъ,
И кому безъ милой мука ,
Тошъ спупай къ дѣвицѣ въ бродъ.
Вышли паспухи съ спадами,
На поляхъ плуги орушъ,
Слышно хлопанье бичами,
Тучи пыльные бѣгушъ.

Послешались въ рощахъ пшныцы,
Жаворонокъ зажурчалъ,
Хороводами дѣвицы
Вышли, стали, гдѣ кристалъ

Чиспой рѣчкой прошекаешъ,
 Намъ являя небеса,
 Избы, церковь отражаетъ,
 Мѣсяць, звѣзды и лѣса.

Міръ воскресъ оледенѣлый,
 Сбросивъ саванъ снѣговой.
 Вашъ пѣвецъ рукою смѣлой
 Даетъ бандурѣ новый спрой.
 Про гетьманщину родную,
 Про красавиць и весну
 Снова пѣсню удалую
 Я козакамъ пѣшь начну.



КОЛОДА.



Что, красавицы младыя,
Что пѣвцу вы принесли?
Цѣпи, хошъ и золошья,
Какъ желѣзо тяжелы.
Онъ съ ноги колоду снимешъ :
Не привыкъ къ ней, не подымешъ.

« Нѣшъ, бандура ! что по свѣшу
Холоснымъ весь вѣкъ бродишь ?
Выспавляй-ка ногу эшу,
Дай колоду нацѣпишь.
Выбирай изъ насъ, влюбляйся,
Да къ налою и вѣнчайся. »

Ахъ, красавицы, свободу
Любишь страшно вашъ пѣвецъ;
А кто разъ надѣлъ колоду,
Такъ тому навѣкъ конецъ.
Какъ подъ часъ приспѣешь горе...
Радъ бы въ пещю, радъ бы въ море.

«Что ? Бороться ? ... Нѣтъ ! не къ мѣсту !
 Мы сильнѣе одного.
 Какъ не выбрать-бы невѣсту
 Бандуристу ? Та его ,
 На какую онъ укажетъ.
 Кшо изъ дѣвъ ему откажетъ !»

Такъ и быть ! Но будь моею
 Дѣва вошь какой красы :
 Чшобъ капилися на шею
 Темнорусыя власы ,
 Чшобъ рѣсницы черношою —
 Ночь осеннюю порою.

Очи цвѣшомъ голубые,
 Будшо въ небѣ двѣ звѣзды,
 Дружно перси молодые,
 Будшо пѣна изъ воды,
 Сильнымъ чувствомъ волновались,
 Подымались, опускались.

Пусть и мертваго улыбкой
 Воскресила-бы, а спанъ
 Былъ высокой, спройной, гибкой,
 Какъ любимой мой кашпанъ.
 Будь бѣла какъ лебедь-пищица,
 Будь румяна какъ денница.

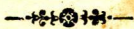
Не оглядывайшесь, дѣвы !
 Тутъ не все, я не забылъ :
 Какъ начнешь свои напѣвы ,
 Серафима-бъ голосъ былъ ,
 Разговоры были-бъ живы...
 Чшо ? Ужель ее нашли вы ?

На пирахъ пусть пляшешь чудно ,
 И чшобъ вѣсмъ плѣняясь въ ней ,
 Вы, дѣвицы — вошь чшо трудно—
 Не завидовали-бъ ей.
 Чшобы, ангелъ доброшою,
 Вѣсмъ родной была душою. —

Другъ на дружку шутъ дѣвицы
 Поглядѣли. Какъ намъ жаль :
 Нѣтъ у насъ шакой пѣвицы
 На Украинѣ. — « Ты Москаль ! »
 Мнѣ съ досадою ошвѣчали,
 И съ ноги колоду сняли.



РУСАЛКИ.



Сойдись на улицу, юноши ! Гдѣ вы ?
Къ пѣвцу соберись красавицы дѣвы !
Послушайте пѣсню : Кшо мертвымъ рождень ,
Кшо умеръ младенцемъ и не былъ крещень , —
Русалки шого и маняшъ и лобзаюшъ ,
И въ рожъ и въ праву и въ лисы наряжаюшъ ;
И вмѣсто густыхъ , шёмнорусыхъ кудрей ,
У нихъ волоса изъ правы, изъ вѣшвей.

У шѣхъ, чшо воржи опъ людей схоронились , —
Волнуясь, на плечи колосья спушились ;
У шѣхъ , чшо живушъ подъ холодной волной , —
Зеленою сшали власы осокой :
Шумяшъ на главѣ, какъ дождавшися бури,
Зашепчетъ проросникъ колебаясь въ лазури ;
У шѣхъ, чшо укрылись подъ шѣнью лѣсовъ , —
Явидись власы изъ дубовыхъ лисновъ.

Маня проходящихъ , въ правѣ укрываясь,
Въ лисахъ , по вѣшвямъ хохотливо качаясь,
На Тройцынѣ Русалки сбѣгающся день.
Онѣ покидаюшъ дубовую шѣнь,

Купаюся, плещушь, изъ рѣкъ выплываюшь,
 По шонкимъ колосьямъ плясашъ начинаюшь,
 И выпрямась колосъ стоишь молодой:
 Не гнешся подъ легкой Русалокъ ногой.

Разпянухся цѣпью, шолкухся, шопочушь,
 Кидаюхся, ловяшь, и въ смерть защекочушь.
 Смошрише-же, дѣвы, на Троицынь вы день
 Не смѣйше ходишь подъ дубовую сѣнь,
 Не спойше во ржи, не смошришеса въ воду;
 Въ селѣ, гдѣ крещенаго много народу,
 Не лучше-ли вамъ хороводомъ играть?
 Русалки бояхся въ селѣ щекошашъ.



ВѢНКИ.



Дѣвы спѣшашъ прочь изъ села;
Въ полѣ давно рожь зацвѣла,
Во ржи васильки голубыми цвѣтами;
Красавицы заняты съ ушра вѣнками,
Колосъ зеленой къ цвѣтнику прищипушъ,
Черныя кудри вѣнкомъ перевьюшъ.

Въ сѣнь козаки шумной толпой
Вышли изъ хатъ, каждой съ косою;
Ихъ грабли колеблются, подняшы вилы,
И косы сверкая спучашъ объ точилы,
Спаль ослабляетъ какъ солнца лучи,
Весело, съ смѣхомъ идущъ поючи.

Кто васъ какъ мы, дѣвы, любилъ?
Каждый изъ нихъ такъ говорилъ.
Кому-же другому вѣнки вы плѣсете?
Другихъ козаковъ вы нигдѣ не найдете!
Дайше, красавицы, намъ по вѣнку:
Съ сердца, бышь можешъ, онъ снимешъ шоску.

« Вамъ-ли вѣнки дѣвы плешутъ?

Нѣтъ! для пѣвцовъ шѣхъ, что поюшъ

Ошчизну, Красициъ, любовь и свободу.

Ошдайше вы прежнее время народу,

Скуйше вы сабаи изъ косъ и серповъ,

Будьше какъ дѣды, — дождешесь вѣнковъ!»



КУКУШКА.



Съ неба къ намъ сходишь весна перелётная,
Снова пришла, снова уйдешь!
Вьешься въ лисахъ спрекоза беззаботная,
И воробей въ кровль поешь.

Спаль хороводъ на холмъ предъ долиною,
Съ ржаньемъ бѣгушь кони къ пруду,
Овцы полялися шропой надъ спремниною,
Роза, нарцисъ дышущъ въ саду.

Громъ покапился съ шоржесивеннымъ грохотомъ,
Трель соловья въ роцѣ звучишь,
Вошь и кукушка къ малиновкѣ, съ хохотомъ,
Снова въ гнѣздо дерзко лещишь.

Наши красавицы съ спарой колдуньею
Къ ней на совѣтъ вышли давно;
Ахъ, не совѣшуйтесь съ пестрой болшуньею!
Сказки да ложь! слушаешь грѣшно.

Разъ нап prorочила пѣсню унылою
Годъ мнѣ прожись. Чшожь? Я пою
Вамъ, не испуганный близкой могилою,
Вошъ ужъ семь лѣтъ пѣсню мою.



ЛЮБОЩИ.



Ангеловъ сеспра злашая,
Безъ вѣнца, безъ крыльевъ ты,
Но пысвѣтлый жишель рая,
Ты даешь мечшы.
Ты къ намъ съ неба принеслася,
Ты для насъ разоблеклася,
Мы бы блескъ швой на земли
Не перенесли.

Не мани насъ ворожбою,
Не пои настоемъ справъ,
Съ перезжѣнною косою,
Съ горечью ошравъ!
Нѣтъ! при звукъ разговоровъ,
Упоенный блескомъ взоровъ,
Обезсиленный, ошъ думъ,
Засыпаешь умъ.

Сердце чарами не бьется,
Не ошъ справъ пылаешь кровь!
Только взглянь: безъ нихъ вошьется
Въ душу къ намъ любовь.

Все небесное, земное,
Все, что только есть святое
Въ міръ эпомъ, въ міръ томъ,
Мы въ тебѣ найдёмъ!



З М Ъ Й.



Посмотрите ! Тамъ
Кто-то мчишся къ намъ;
Мчишся быстро, мчишся съ блескомъ,
Съ Запада летишь,
Крылья хлопающе и съ шрескомъ
Хвостъ въ огнь шумишь.

Искры льются вкругъ,
Пламень вспыхнулъ вдругъ,
Слѣдомъ длинной полосой
Яркая черта;
Дымъ покрылъ, клубясь волною,
Ноздри и уста.

Онъ летишь въ окно.
Вотъ онъ, вотъ онъ ! но . . .
Щастье наше, слава богу !
Повернулъ онъ прочь.
А возьми сюда дорогу :
Ужь была-бъ намъ ночь !

Эшо змѣй, бѣда!
 Онъ красавчикъ, да!
 Только спереди, не сзади;
 Я-ль ихъ не видалъ?
 Не были-бъ ему мы ради,
 Какъ бы къ намъ попалъ.

Слушайте пѣвца:
 Змѣй хорошъ съ лица,
 Нравился онъ каждой дѣвѣ:
 Но спина, спина! . . .
 Нѣтъ ее: въ огромномъ чревѣ
 Внутренносиль видна.

Вѣрьте же очамъ!
 Ну не часшо-ль вамъ,
 Чернобровыя дѣвицы,
 Въ юношѣ иномъ
 Любы брови, да рѣсницы? . . .
 Обгляди-жь кругомъ.



ДОМОВОЙ.



Дѣши ! вы узнашь хошите ,
Чшо за домовой ?
Смирно, смирно ! погодише !
Вамъ пѣвецъ сѣдой
Все расскажешь : съ бородою,
Онъ подъ кровлю головою,
Волоса горой ,
Рыжеватый,
Весь косматый ,
Черные усы,
Ноги длинны какъ стропилы,
Руки — грабли, пальцы — вилы ,
Очи — чшо часы,
Толсты губы,
Клыкомъ зубы,
Тридцать дѣтъ косы.

Ночью ходишь онъ дозоромъ,
Хашу спережешь,
У калишки, за заборомъ,
Всюду обойдешь ;
Не знакомясь съ покоемъ,
Онъ собакъ сзываетъ воємъ,

Онъ къ гумну бредешъ;
 Воръ ли крадешъ ?
 Онъ засядешъ,
 Разомъ вора—хващъ!
 Давишъ, душишъ—и не даромъ !
 Иногда передъ пожаромъ
 Спанешъ совъ скликашъ,
 И съ шоскою
 Надъ шрубою
 Имъ велишъ стонашъ.

А какъ псамъ закажешъ норы
 Передъ дверью рышъ,
 Какъ начнешъ ломашъ заборы,
 Или шяжко вышъ,
 Какъ шоску на всѣхъ наводишъ,
 Какъ по хашъ съ шумомъ бродишъ, —
 Не добру шущъ бышъ!
 Какъ охошу
 Взявъ до пошу
 Ъздишъ на коняхъ,
 По ночамъ вкругъ оконъ рыщешъ,
 Въ чердакахъ и въ шрубахъ свищешъ,
 Все приводишъ въ страхъ;—
 Тушъ прощайся :
 Ошправляйся
 Спать въ шесши доскахъ.

ПОМИНАЛЬНЫЙ ДЕНЬ.



На кладбищѣ козацкомъ часовня спойшъ,
Пробираясь въ щели въ ней вѣтеръ свиститъ ,
Три оконницы хлопающъ въ окны пустыя,
Шевеляшся надъ кровлею липы густыя,
Изъ опкрытыхъ дверей мершвецами несешъ :
Перекрестившися пушникъ и мимо пройдетъ.

Прадѣды ! спите въ могилахъ своихъ!
Спите спокойно! не мучьте живыхъ,
Ночью, какъ мѣсяцъ гуляешъ надъ нами ,
Правнуковъ звашъ не ходите толпами ,
На дѣвѣ, на дѣшѣй не глядише въ окно :
Ихъ дѣды идши къ вамъ собрались давно.

И какъ старые наши помрушъ козаки ,
Мы гвоздями сколошимъ чешыре доски ;
На носилкахъ церковныхъ съ попомъ и крестами ,
Къ вамъ госшей опнесемъ на кладбище мы сами ,
По веревкамъ опусшимъ, зароемъ — и прочь !
Чшобы насъ межъ могилъ не заспигнула ночь.

Завтра мы вырубимъ дубъ молодой,
 Вытешемъ брусся въ сажень вышиной,
 Накресль ихъ сложимъ, въ землю поставимъ,
 Въ чеснь, въ упокой панихиду опсправимъ,
 Обѣдъ поминальный съ собой принесемъ,
 Повѣсимъ плашки на кресахъ — и пойдёмъ.

Подождите-же, дѣды, недѣли Святой:
 Въ понедѣльникъ седмицы, друзья, Фоминой
 На поминки сойдемся къ вамъ много народу,
 Принесемъ и вина и пшпучаго мѣду,
 На могилкахъ дерновыхъ вино будемъ шпшь,
 За покойниковъ ладаномъ сппанемъ кадишъ.

Ладанъ покойникамъ слышенъ и шамъ!
 Меду и хлѣба дадимъ мы попамъ,
 Вѣчную памянь чшобъ мершвымъ пропѣли,
 Мягко-бъ лежашъ имъ въ дубовой постели. —
 Но, прадѣды! сппше въ могилахъ своихъ!
 Нейдите по селамъ шревожишъ живыхъ.



ИВАНЪ КУПАЛА.



День Ивановъ !

Папорошникъ передъ свѣтомъ
Огненнымъ пылаешь цвѣтомъ;
Кшо въ лѣсу его найдешь ?
Кшо, не дрогнувшей рукою,
Передъ раннею зарёю,
Со стебла его сорвешь ?

День Ивановъ !

Будешь спрашно шамъ до смерти :
Соберутся вѣдьмы, черши,
Выползетъ подземный гадъ,
Изъ гробовъ скелеты встанутъ ,
И за цвѣтъ борошья спанутъ ;
Кшо побьешь ихъ — сыщешь кладъ.

День Ивановъ !

Упыри верхомъ на пшпцахъ,
И въ воздушныхъ колесницахъ,
Мертвецы, надъ головой
Будутъ ѣздить съ дикимъ воємъ,
И вороны чернымъ роємъ
Крикъ подымутъ въ мглѣ ночной.

День Ивановъ !

Тушь надѣвъ ошъ жару шубы,
 Вылетая черезъ прубы,
 Вѣдмы выкрадушъ лушни,
 Сокомъ ширлица сопруся
 И на мѣслахъ понесуся
 Въ городъ Кіевъ на три дни.

День Ивановъ !

Чѣмъ не встрѣшишь вѣдмъ и ада,
 Не пойду искашь я клада;
 Я съ дѣвицами пойду,
 Я надъ Удаемъ рѣкою
 Съ полуночной темною
 Встрѣчу первую звѣзду.

День Ивановъ !

Наши пляски будущъ живы:
 Принесемъ стога крапивы;
 На вершинѣ той горы
 Мы зажжемъ огни коспрами,
 Станемъ прыгашъ мы шолнами
 Чрезъ крапиву и коспры.